

Андрей Юрьевич КЛЮЧНИКОВ¹

УДК 341.645

**ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ДИНАМИЧЕСКОГО
ТОЛКОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА 1950 Г. НА ПРИМЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ**

¹ судья Правобережного районного суда города Липецка,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и международного права,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Липецкий филиал)
andrew19871961@mail.ru

Аннотация

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. является инструментом динамичного развития системы прав человека в государствах — членах Совета Европы. Столь активное его становление обусловлено деятельностью Европейского суда по правам человека. Однако прецедентная практика суда не всегда воспринимается в национальных юрисдикциях, особенно когда речь идет о наиболее чувствительных сферах жизни современных обществ. В качестве цели исследования автор ставит выявление актуального подхода данного международного суда к проблеме социальных прав осужденных, особенно в контексте обеспечения их социальными правами. Материалом для исследования послужила прецедентная практика ЕСПЧ о социальных правах граждан — с особым вниманием к правам лиц, находящихся в местах изоляции от общества, правовые позиции отечественных исследователей по поставленной проблеме. Автор применяет традиционные методы исследования — общенаучные и специальные, с акцентом на историко-социальный и правовой методы. В работе охарактеризованы этапы становления источников международного мягкого права о

Цитирование: Ключников А. Ю. Проблема границ динамического толкования Европейской конвенции по правам человека 1950 г. на примере обеспечения социальных прав осужденных / А. Ю. Ключников // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 112-125. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-112-125

пенитенциарных правилах и влияние на это практики ЕСПЧ в контексте стандартов запрета на дискриминацию относительно права владения и нарушения запрета на принудительный (обязательный) труд. Общеввропейский стандарт «право осужденного на пенсию» пока не выработан, что нашло свое подтверждение в практике ЕСПЧ. Такое решение обусловлено необходимостью поддержания эффективности всей конвенционной системы, политикой компромиссов с государствами. Через динамическое толкование ЕКПЧ рассматриваемое право признано элементом защиты конвенционных прав, осужденному должен предоставлять все больший объем социальных прав.

Ключевые слова

Права человека, осужденный, международный суд, динамическое толкование, судебное правоприменение, прецедент, особое мнение, толкование права, практика государств.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-112-125

Введение

Впервые органы защиты прав человека Совета Европы обратились к проблеме социальных прав лиц, лишенных свободы, в связи с их трудоустройством в конце 60-х гг. XX в. По делу «Двадцати одного арестованного лица» 1968 г. доводы заявителей о неоплате за выполняемую в местах изоляции от общества работу и непременности взносов за трудоустройство Европейской комиссией по правам человека были отклонены как неприемлемые, и дело не было принято к производству [17, с. 100-101].

Спустя сорок лет в деле Штуммер против Австрии 2011 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) вернулся к этому вопросу, исследовал фактические обстоятельства дела заявителя. Данное постановление сегодня смело можно считать рамочным для аналогичной категории дел. Однако изложенные в нем выводы породили дискуссию о нормативных пределах толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ) с учетом выработанных судом способов ее толкования. ЕСПЧ одновременно обратился к концепции толкования ЕКПЧ как «живого инструмента» (living instrument), являющегося классическим инструментом самоограничения суда, и к доктрине поля усмотрения, оценил наличие европейского консенсуса относительно объема предоставляемых осужденным к лишению свободы прав. Комплексный подход даже среди судей Большой палаты ЕСПЧ породил дискуссию относительно допустимых пределов толкования ЕКПЧ в особенно чувствительной для национального судебного правоприменения сфере — обеспечения социальных прав осужденных, поэтому решение международного суда представляет интерес для анализа.

В основе проблемы социальных прав осужденных лежит комплексный институт прав человека. Национальная судебная практика в указанной сфере активно развивается, что обусловлено динамичным характером их становления.

Международное право в области прав человека развивает большинство международных органов по разрешению споров и судов, например, комитет ООН по правам человека [26], Межамериканский суд по правам человека. [14, с. 10; 17] Такая возможность основана на судебной прецедентной практике. Например, МАСПЧ обосновывает собственную возможность динамического толкования Межамериканской конвенции по правам человека консультативным заключением Международного суда ООН по Намибии 1971 г., согласно которому международные инструменты всегда должны толковаться «в контексте нормативной базы, действующей на момент осуществления толкования» [15].

Очевидно, практика применения договоров в сфере защиты прав человека относительно классических международных договоров имеет свою специфику, что оправдывает выработку особых способов их толкования. ЕСПЧ «ищет» не столько намерения создателей договора, сколько лингвистическое значение отдельных терминов в контексте эффективной защиты прав человека [1]. Страсбургский суд в редких случаях напрямую ссылается на положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹ Значительно чаще он использует собственные выработанные им методы толкования. Конечно, это не означает, что Суд таким образом отвергает предписания Конвенции 1969 г.

Методы исследования

Автор применяет традиционные методы исследования — общенаучные и специальные, с акцентом на историко-социальный и правовой методы. Анализ решений ЕСПЧ на предмет становления определенного стандарта прав человека требует анализа исторических и социальных предпосылок. В этом контексте историко-социальный и правовой методы позволят дать оценку наличию/отсутствию консенсуса европейских государств относительно социальных прав осужденных в разные исторические периоды, соответствие подхода нормам международного и национального права.

Основная часть

Фактические обстоятельства дела. Штуммер провел 28 лет в местах изоляции от общества, в это время он долго работал в тюремной кухне и пекарне. Он жаловался на дискриминацию в связи с запретом принудительного (обязательного) труда, лишение права владения, поскольку много лет трудился. На него не распространялась система пенсионного страхования, он не приобрел права на пенсию. В соответствии с законом «Об общем социальном обеспечении» Австрии 1955 г. занятые в тюрьмах не охватывались системой обязательного пенсионного страхования. Верховный суд Австрии признал, что заключенные

¹ ЕСПЧ сослался на ст. 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. по делу Гольдер vs. Великобритания 1975 г. до того, как сама конвенция вступила в силу, обосновав это тем, что эти нормы выражают общие принципы международного права.

не являются работниками по смыслу п. 2 ст. 4 указанного закона и на заявителя распространялась система обязательного страхования по безработице.

Заявитель мог добровольно застраховаться, но дохода, который он получал после вычета 75% от заработка в соответствии со ст. 32 Закона об исполнении наказания в виде лишения свободы (Strafvollzugsgesetz) 1976 г., не хватало на выплату минимального взноса. В феврале 1999 г. Штуммер подал заявление о предоставлении ему права на досрочную пенсию. Оно осталось без удовлетворения, поскольку заявитель был застрахован только через 117 месяцев (не были включены периоды до пенсии в тюрьме) и не был занят минимальные для этого 240 месяцев.

Суд оставил жалобу без удовлетворения, поскольку заявитель не был застрахован необходимое количество месяцев и был исключен из системы обязательного страхования. В основу решения легло постановление Верховного суда Австрии, согласно которому работа, обусловленная правовыми обязанностями, отличается от работы, выполняемой лицами, работающими на основании трудового договора и свободы труда [24]. Разница в подходах не может считаться проявлением дискриминации. Решение было отменено апелляционным судом Вены, который посчитал, что предметом иска являются вопросы социальной политики государства [25]. Только государства могут решать вопросы изменения законодательства о пенсионном обеспечении осужденных. С конца 2004 г. заявителю выплачивали минимальное социальное пособие по безработице.

Решением Большой палаты ЕСПЧ 2011 г. нарушений государством ст. 14 (запрещение дискриминации) и ст. 4 (запрещение принудительного труда) ЕКПЧ выявлено не было.

Запрет дискриминации относительно права владения. ЕКПЧ не содержит детальной материально-правовой регламентации вопросов социального обеспечения, не устанавливает ограничений свободы государств распоряжаться собственной пенсионной системой и ее видами. Однако если государство-участник устанавливает права, гарантирующие выплату соответствующих пособий, то такое правовое регулирование «порождает имущественные права и обязанности» (proprietary interest), входящие в сферу применения ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ [12].

Дискриминация означает различные подходы к поведению людей в аналогичной ситуации (relevantly similar situations) без разумного и объективного оправдания. В таком случае оно не соответствует законной цели или не имеет разумной пропорции между используемыми средствами и целями, которые должны быть достигнуты [13, с. 142-143]. Государства обладают некоторой свободой оценки, которая оправдывает спектр различных подходов в аналогичных ситуациях. Широкая свобода усмотрения допустима в вопросах общих мер экономической и социальной стратегии, где национальные власти непосредственно понимают потребности собственного общества. Они в большей мере способны оценить, что соответствует общественным интересам по экономическим и социальным причинам (доктрина поля усмотрения).

ЕСПЧ применил к «личному статусу» для целей ст. 14 ЕКПЧ в контексте запрета дискриминации статус осужденного. В контексте оценки социальных прав суд принял за основу не столько правовую природу и цель тюремной работы как таковые, а необходимость обеспечения старости осужденных.

Для этого работающий заключенный был поставлен в аналогичную ситуацию с рядовыми работниками, чтобы определить, была ли оправдана разница в обращении по поводу включения в пенсионную систему. Целью такой дифференциации, являющейся пропорциональной, было сохранение экономического единства и функциональности пенсионной системы через исключение из нее лиц, которые не вносили полноценные взносы. Осужденные и заключенные не могут утрачивать гарантированные Конвенцией права только из-за того, что они временно изолированы от общества.

Возможные ограничения конвенционных прав должны быть оправданы в каждом конкретном случае и вытекать из необходимых и неизбежных последствий тюремного заключения, обоснованного соотношения правоограничений осужденных и условий их заключения. Учитывая, что вопрос о пенсионных правах осужденных тесно связан с уголовной политикой государства, ЕСПЧ признал, что в этой сфере существует широкая свобода усмотрения, и Суд может вмешаться только тогда, когда считает, что законодательная политика явно не имеет разумного обоснования. В случае определения спектра свободы усмотрения действенным критерием может быть существование или отсутствие единых подходов в правовых системах Высоких Договаривающихся Сторон.

Суд признал, что консенсус относительно социальной защиты заключенных пока не достигнут, но существует определенный тренд, если речь идет об изменении подхода к этой проблеме [4, с. 247-248]. Эта эволюция заметна при анализе содержания Европейских пенитенциарных правил 1987 г. и 2006 г. (доктрина общеевропейского консенсуса).

Абсолютное большинство государств Совета Европы предоставляют осужденным один из видов социального обеспечения. Небольшая часть включает их в систему пенсионного обеспечения, а ряд государств, такие как Австрия, предоставляют такую возможность через внесение добровольных социальных взносов. Суд учел, что исключение заявителя из системы социальной защиты населения пришлось на период между 60-90-х гг. XX в., когда среди государств отсутствовало единство относительно характера труда заключенных. Система труда в местах изоляции от общества и социальная защита в них взаимообусловлены «явно не без разумного основания» (*manifestly without reasonable foundation*). Ввиду изменения стандартов следует отдать приоритет страхованию от безработицы, которое считается наиболее адекватным для реинтеграции заключенного после его освобождения. Суд пришел к выводу о соблюдении государством допустимых пределов оценки ст. 14 и ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ.

Нарушение запрета на принудительный (обязательный) труд. Суд оценил довод, насколько работа, не охваченная системой пенсионного обеспечения, соответствует допустимым исключениям из запрета принудительного и обяза-

тельного труда пп. «а» п. 3 ст. 4 ЕКПЧ. ЕСПЧ пошел по проторенному пути выводов предыдущих решений о запрете принудительного труда. Он выявил сходство формулировок принудительного труда согласно ЕКПЧ и п. 2 ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда, т. е. о единообразном международном материально-правовом регулировании термина, привел единообразное его понятие как «всякая работа или служба, требуемая от лица под угрозой наказания, на выполнение которой оно не было согласно» [21].

ЕСПЧ не стал подвергать сомнению тот факт, что заявитель выполнял требуемую от него работу не под страхом наказания, к ее выполнению приступил добровольно.

Применимые способы толкования. Использованная Судом по делу концепция живого инструмента основана на п. 1 ст. 31 Конвенции 1969 г., допускающей творческий подход в интерпретации объекта и целей договора. Она не ограничивается установлением намерений государств-участников при подписании ЕКПЧ [20]. В отличие от классических международных договоров, ЕКПЧ устанавливает объективно существующие обязательства, которые, согласно преамбуле к Конвенции, подпадают под коллективные гарантии уважения прав человека (collective enforcement) (дело Ирландия v. Великобритания [18]).

Применение доктрины по делу не дало ответы на вопросы, что следует понимать под реалиями сегодняшнего дня, какие типы социальных изменений могут вести к эволюции содержания Конвенции, а также относительно того, что является и может быть признано допустимым доказательством изменений, требующих пересмотра подходов властей. Аргументы Суда не опирались на статистические данные государств. Неразрешенным остался вопрос времени, которым можно оправдать поворот в правовом регулировании. С динамической интерпретацией конвенции связана некоторая степень неопределенности обязательств, принимаемых государствами (особое мнение судьи Фитцмориса по делу Национальной ассоциации бельгийской полиции 1975 г.¹).

Другим способом установления границ динамического толкования ЕКПЧ стало обращение к европейскому консенсусу, позволяющему сохранять требуемый баланс интересов [3, с. 47-48]. Он способствует учету требований правовой определенности, допуская реализацию основных целей Конвенции в контексте реалий сегодняшнего дня.

Проблемным является вопрос о применении Конвенции к делам о нарушении социальных и гуманитарных норм [22], предметно выходящих за рамки конвенционного регулирования. Подход отражает некую инфляцию отраженных в Конвенции прав. ЕСПЧ не должен нарушать суверенитет государств через выведение обязательств, которые не входили в намерения государств-участников Конвенции, и где сам суд не имеет демократической легитимации.

¹ «Конвенция должна толковаться в свете правовой среды, сложившейся на момент толкования» (постановление ЕСПЧ от 27 октября 1975 г. по делу № 4464/70 «Национальное объединение Бельгийской Полиции v. Бельгия», особое мнение, п. 6-10).

В деле Штуммер против Австрии суду пришлось столкнуться с вопросом о том, каковы пределы прав лиц, лишенных свободы. В основу был принят тезис о произошедших существенных изменениях в восприятии правового регулирования положения заключенных: от своеобразной «социальной смерти», длящейся с момента взятия под стражу, до обеспечения возможности предоставления осужденному прав, которых он не должен лишаться. Материальной основой правовой позиции ЕСПЧ стало правило 2 Европейских пенитенциарных правил, определяющее, что лица, лишенные свободы, сохраняют все права, которых были лишены в соответствии с законом, на основании обвинительного приговора или судебного акта об аресте. На первый взгляд, данное довольно простое правило на практике не всегда легко применить.

Стандарты обращения с заключенными ЕСПЧ весьма богаты, включают контроль государств за соблюдением запрета пыток, унижающего или бесчеловечного обращения и наказания [9], проблем переполненности камер [10], удержания в целях изоляции [11], принудительного питания и медицинского вмешательства [6], санитарных условий и личного обыска [5]. По таким делам ключевым становится оценка поведения государства, тесно связанная с существованием европейского консенсуса. Здесь можно упомянуть хотя бы дело Диксон против Великобритании [7] по жалобе супругов, один из которых отбывал длительное лишение свободы, которым было отказано в создании условий для искусственного оплодотворения. По аналогии с делом Херст против Великобритании [8] был сделан вывод, что любые национальные юридические конструкции, которые автоматически лишают заключенных избирательных прав, нарушают требования Конвенции.

Особые мнения судей. Фактические обстоятельства данного дела требовали сложных выводов, и весь спектр подходов к проблеме выражен в особых мнениях судей состава. Самые категоричные выводы сделал судья Гаэтано, что работающий заключенный не находился в ситуации, схожей с рядовыми работниками. Заявитель не выполнял работ для частных субъектов, не участвовал в производстве товаров для внешнего рынка. Что касается запрета принудительного труда, судья, в свою очередь, заявил, что работа в пекарне и на кухне не столь тяжела и вписывается в идею обычно назначаемого наказания («состав суд зашел слишком далеко в попытках относиться к заключенным как к лицам, пользующимся в полном объеме правами и свободами, гарантированными Конвенцией»).

Другие особые мнения сводились к тому, что состав суда не выявил нарушений Конвенции. Особо эмоциональную оценку получила фраза: «осужденные в целом продолжают пользоваться фундаментальными правами и свободами, гарантированными ЕСПЧ». В противоречие вступает другой вывод, что, хотя осужденных никто в соответствии с законом пенсии не лишал, в настоящее время они не могут пользоваться преимуществами обеспечения их в старости.

Суд можно критиковать за отсутствие ясности и прозрачности в обращении к доктрине поля усмотрения, что неизменно приводит к принятию выгодных

для государств-участников решений, ставит под угрозу эффективность Конвенции в угоду «длящейся жизнеспособности» (continued viability).

Применение доктрины подобным образом вводит элемент относительности в процессе установления границ допустимого поведения государства-участника Конвенции, с другой стороны, позволяет уважать плюрализм [2, с. 132-133]. Элемент непредсказуемости практики ЕСПЧ заложен в упоминаемом деле Диксон, где Большая палата ЕСПЧ заявила, что границы оценки часто варьируются, зависят от характера подлежащей ограничению деятельности и целей, во имя которых совершается посягательство на права и свободы. И если консенсус относительно важности интереса охватывает небольшое число государств, или он отсутствует, тогда степень свободы будет шире. Доказательством эволюции стандартов является законодательство государств — членов Совета Европы, а также международные инструменты, в которых участвуют государства-члены, даже если данное государство не является их стороной [19].

Относительно общеевропейского консенсуса возникает вопрос — насколько он сочетается с диктатом большинства, выставляющим в неблагоприятном свете государство, которое не рецептировало соответствующие нормативные решения во внутреннее право. Исследуемое решение иллюстрирует, что поведение большинства как критерий правильности (мерило) определенного поведения не всегда гарантирует наивысший уровень защиты прав личности.

Судья Тулкенс в своем частично совпадающем особом мнении заявила, что гибкость как судебный инструмент должна идти рука об руку с контрольными полномочиями суда, и он должен принимать роль субъекта, устанавливающего универсальные стандарты. Традиционное восприятие исполнения лишения свободы, находящегося вне системы права, изменилось, и работа без надлежащего социального обеспечения больше не может рассматриваться как обычно требуемая. Конвенция является правообразующим договором и ее необходимо толковать наиболее подходящим для достижения целей договора способом, который не ограничивал бы международные обязательства государств-участников.

Семеро судей обратили внимание на изменения в общественной жизни. Развитие института долгосрочного лишения свободы как аналог пожизненного лишения свободы и смертной казни привело к значительному увеличению числа пожилых людей, находящихся в местах изоляции от общества. Это новая социальная реальность поднимает вопросы пенсионного обеспечения после освобождения. Если осужденные в молодом возрасте, как правило, способны покрыть медицинскую страховку и страхование от несчастных случаев, то для пожилых лиц это затруднительно. Всё более проявляется тенденция к включению работающих осужденных в систему социального обеспечения, что сужает свободу усмотрения государств и не может ими игнорироваться.

Согласимся с судьей де Гаэтано, что квалификация работы как принудительной не связана с возможным ее вознаграждением, значит, ключевым является разграничение оснований оплаты за работу — по достижении поставленных целей или в зависимости от выполнения определенных действий. В условиях

свободы вознаграждение зависит не от цели выполняемого индивидом наемного труда, а от характера выполняемых задач, должности, ответственности. Обязанности по оплате порождает само выполнение работы под руководством и в пользу работодателя. Реабилитационная цель наказания должна усиливаться путем предоставления работ, максимально приближенных к условиям свободы, а не через лишение данной разновидности труда определенных материальных преимуществ, доступных при работе на свободе. Необходимость равной оплаты труда заключенных и свободного труда признают Европейские тюремные правила и — всё чаще — национальная судебная практика.

Например, Федеральный Конституционный суд Германии постановил, что поскольку на государстве лежит конституционная обязанность поддерживать социальную реабилитацию заключенных и выбрало обязательное привлечение к труду как средство достижения этой цели, оно должно обеспечить адекватную оплату работы. Выплачивать заключенным вознаграждение без надлежащего отношения к стоимости и минимальной оплате труда в условиях свободы было бы неконституционно [23].

Заключение

Анализируя подход суда по делу, автор полагает, что ЕСПЧ по обсуждаемому вопросу всячески избегал введения стандарта «право осужденного на пенсию». Попытка выявить реальный объем прав осужденных к длительному лишению свободы, связанный с их социальным обеспечением, привела к противоречивым выводам. С одной стороны, суд применил динамическое толкование ЕКПЧ и признал, что исследуемый вопрос может быть элементом защиты прав, вытекающих из Конвенции. Боязнь конфронтации с государствами привела к тому, что суд уклонился от вывода, что осужденным не предоставляются только те права, которых они лишены по закону. Эта очевидная непоследовательность является не совсем корректным компромиссом, который ЕСПЧ принял для поддержания эффективности всей конвенционной системы, когда решение могло быть истолковано как «навязывание» государствам определенных моделей в области политики социального обеспечения. Подход имеет недостаток в виде обвинений в судебной правоприменительной стагнации и достижение в виде снятия напряженности и конфликта суда с государствами-членами. Проанализированные особые мнения судей довольно четко очертили круг проблем, требующих реакции в последующей практике суда. За основу международный суд должен принять идею, что осужденный должен быть приравнен в правах как любой член современного общества в пенсионной защите и социальных гарантиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова В. Н. Факты и оценки с точки зрения защиты чести и достоинства личности / В. Н. Барсукова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 28-34.

2. Ключников А. Ю. Выявление активизма в правоприменительных подходах судей Европейского суда по правам человека // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 129-139.
3. Нешатаева В. О. Роль международных судов в становлении права культурных ценностей / В. О. Нешатаева // Судья. 2017. № 11. С. 44-50.
4. Орехов О. С. О «доктрине свободы усмотрения государств» в практике международных органов / О. С. Орехов // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 244-262.
5. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 15 ноября 2001 г. по делу № 25196/94 «Иванчук v. Польша» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2. 2002.
6. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 11 июля 2006 г. по делу № 54810/00 «Яллох v. Германии» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. № 8. 2007.
7. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 4 декабря 2007 г. по делу № 44362/04 «Диксон против Соединенного Королевства» (п. 82-85) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 7. 2008.
8. Постановление ЕСПЧ от 6 октября 2005 г. по делу № 74025/01 «Херст против Соединенного Королевства» (№ 2) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 7. 2006.
9. Постановление ЕСПЧ от 21 июня 2007 г. по делу № 37213/02 «Кантырев v. России» // Российская хроника Европейского Суда. № 2. 2008.
10. Постановление ЕСПЧ от 20 октября 2011 г. по делам № 5774/10, № 5985/10 «Мандич и Йович v. Словении» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. № 11. 2011.
11. Постановление ЕСПЧ от 17 апреля 2012 г. по делу № 20071/07 «Пехович v. Польша» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 10. 2013.
12. Решение ЕСПЧ от 18 февраля 2009 г. по вопросу приемлемости жалобы по делу № 55707/00 «Андреева против Латвии» (п. 79) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 6. 2009.
13. Терехова Л. А. Применение постановлений Европейского Суда по правам человека в практике российских судов / Л. А. Терехова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 138-146.
14. Advisory Opinion of the Inter-American Court of Human Rights of July 14, 1989 in case OC-10/89 "Interpretation of the American Declaration of Human Rights and Duties, based on Article 64 of the American Convention on Human Rights" (paragraph 37) // IACHR. Series A, no. 10.
15. Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) // ICJ Reports. 1971. No. 31. P. 53. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/53>.
16. Decision of the European Commission of Human Rights of 06.04.1968 in case No. 3134/67, 3172/67, 3188-3206/67 "Twenty-one Detained Persons v. Germany" // Collection 27, pp. 97-116.
17. Decision of the Inter-American Court of Human Rights of 31 August 2001 in the case of "Mayagma (Sumo) Awas Tigny Community v. Nicaragua" // IACHR. Series C. No. 79. P. 146.

18. ECHR Judgment of 18 January 1978 in case No. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom” (paragraph 239) // ECHR. Series A. No. 25. P. 90.
19. ECHR Judgment of 13 June 1979 in case No. 6833/74 “Marckx v. Belgium” (paragraph 41) // ECHR. Series A. 1979-1980. No. 31.
20. ECHR Judgment of 23 March 1993 in case No. 15318/89 “Loizidou v. Turkey” (paragraphs 70-71) (preliminary objections). // ECHR. Series A, no. 310, p. 20.
21. ECHR Judgment of 27 March 1998 in case No. 20458/92 “Petrovic v. Austria” (paragraph 38). // Reports 1998-II, p. 62.
22. ECHR Judgment of 12 December 2001 in case No. 52207/99 “Bankovic and Others v. Belgium”. // Reports 2001-XI, ECHR 2001-XII.
23. Judgment of the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany “Bundesverfassungsgericht” of 1 June 1998. 2bvr441. P. 90.
24. Judgment of the Supreme Court of the Republic of Austria of 27 February 1990 in case ObS 10. SSV-NF4. 66/90. P. 31.
25. Judgment of the Supreme Court of the Republic of Austria of 16 March 1999 in case ObS 10. SSV-NF52. P. 99.
26. UN Human Rights Committee Judgment of 2 September 2002 in case 829/1998 «Roger Judge v. Canada». // UN Doc. 1998. CCP/C78 /D/829/1998.

Andrew Yu. KLYUCHNIKOV¹

UDC 341.645

**THE BOUNDARIES PROBLEM OF THE 1950 EUROPEAN
CONVENTION DYNAMIC INTERPRETATION ON HUMAN RIGHTS
ON THE EXAMPLE OF ENSURING THE SOCIAL RIGHTS
OF CONVICTS**

¹ Judge of Pravoberezhny District Court of Lipetsk,
Cand. Sci. (Jur.), Assistant Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk affiliated branch
andrew19871961@mail.ru

Abstract

The 1950 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is an instrument for the dynamic development of the human rights system in the member states of the European Council. Such an active formation of the latter is due to the activities of the European Court of Human Rights. However, the case-law of the court is not always accepted in national jurisdictions, especially when it comes to the most sensitive areas of life in modern societies. As the goal of the research, the author sets out the identification of the current approach of this international court to the problem of social rights of convicts, especially in the context of ensuring their social rights. The material for the research was the case-law of the ECHR on the social rights of citizens - with special attention to the rights of persons in places of isolation from society, the legal positions of domestic researchers on the problem posed. The author uses traditional research methods - general scientific and special, with an emphasis on historical, social and legal methods. The paper describes the stages of the international soft law sources formation on penitentiary rules and the impact on this of the ECHR practice in the context of the discrimination standards prohibition regarding the right of ownership and violation of the forced (compulsory) labor prohibition. A common European standard “the

Citation: Klyuchnikov A. Yu. 2021. “The boundaries problem of the 1950 European Convention dynamic interpretation on Human Rights on the example of ensuring the social rights of convicts”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 1 (25), pp. 112-125.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-112-125

right of a convicted person to retire” has not yet been developed, which has been confirmed in the practice of the ECHR. This decision is due to the need to maintain the effectiveness of the entire convention system, the policy of compromises with states. Through the dynamic interpretation of the ECHR, this right is recognized as an element of the convention rights protection, the convict should be granted an increasing amount of social rights.

Keywords

Human rights, convicted person, international court, dynamic interpretation, judicial enforcement, precedent, dissenting opinion, interpretation of law, practice of states.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-1-112-125

REFERENCES

1. Barsukova V. N. 2019. “Facts and Assessments from the Point of View of Protecting the Honor and Dignity of the Individual”. *Saratov State Law Academy Herald*, No. 6 (131), pp. 28-34. [In Russian]
2. Klyuchnikov A. Yu. 2020. “Revealing Activism in Law Enforcement Approaches of Judges of the European Court of Human Rights”. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. Vol. 6, no. 1 (21), pp. 129-139. [In Russian]
3. Neshataeva V. O. 2017. “The Role of International Courts in the Formation of the Law of Cultural Values”. *Sud’ya*. No. 11, pp. 44-50. [In Russian]
4. Orekhov O. S. 2009. “About ‘the Doctrine of the Discretion of States’ in Practice of International Bodies”. *Moscow Journal of International Law*. No. 2 (74), pp. 244-262. [In Russian]
5. Grand Chamber of ECHR Judgment of 15 November 2001 in case No. 25196/94 “Iwańczuk v. Poland”. 2002. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 2. [In Russian]
6. Grand Chamber of ECHR Judgment of 11 July 2006 in case No. 54810/00 “Jalloh v. Germany”. 2007. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 8. [In Russian]
7. Grand Chamber of ECHR Judgment of 4 December 2007 in case No. 44362/04 “Dickson v. the United Kingdom”. 2008. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 7, pp. 82-85. [In Russian]
8. ECHR Judgment of 6 October 2005 in case No. 74025/01 “Hirst v. The United Kingdom” (No. 2). 2006. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 7. [In Russian]
9. ECHR Judgment of 21 June 2007 in case No. 37213/02 “Kantjyrev v. Russia”. 2008. In: *Russian Chronicle of the European Court*. No. 2. [In Russian]
10. ECHR Judgment of 20 October 2011 in cases No. 5774/10, No. 5985/10 “Mandic and Jovic v. Slovenia”. 2011. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 11. [In Russian]
11. ECHR Judgment of 17 April 2012 in case No. 20071/07 “Piechowicz v. Poland”. 2013. In: *Bulletin of the European court of human rights*. Russian edition. No. 10. [In Russian]

12. Decision of the ECHR of 18 February 2009 on the admissibility of the complaint in case No. 55707/00 “Andrejeva v. Latvia” (paragraph 79). In: Bulletin of the European court of human rights. Russian edition. No. 6, 2009. [In Russian]
13. Terekhova L. A. 2016. “Application of judgments of the European Court of Human Rights in the practice of Russian courts”. Omsk State University Herald. Series: Law. No. 2 (47), pp. 138-146. [In Russian]
14. Advisory opinion of the Inter-American Court of Human Rights of July 14, 1989 in case OC-10/89 “Interpretation of the American Declaration of Human Rights and Duties, based on Article 64 of the American Convention on Human Rights”. In: IACHR. Series A. No. 10, p. 37.
15. Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa). 1971. ICJ Reports. No. 31, p. 53. <https://www.icj-cij.org/en/case/53>.
16. Decision of the European Commission of Human Rights of 06.04.1968 in case No. 3134/67, 3172/67, 3188-3206 / 67 “Twenty-one Detained Persons v. Germany”. In: Collection 27. Pp. 97-116.
17. Decision of the Inter-American Court of Human Rights of 31 August 2001 in the case of “Mayagma (Sumo) Awas Tigny Community v. Nicaragua” In: Series C. No. 79, p. 146.
18. ECHR Judgment of 18 January 1978 in case No. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom” (paragraph 239). In: ECHR. Series A. No. 25, p. 90.
19. ECHR Judgment of 13 June 1979 in case No. 6833/74 “Marckx v. Belgium” (paragraph 41). 1979-1980. In: ECHR. Series A. No. 31, 2 EHRR 330.
20. ECHR Judgment of 23 March 1993 in case No. 15318/89 “Loizidou v. Turkey” (paragraphs 70-71) (preliminary objections). In: ECHR. Series A. No. 310, p. 20.
21. ECHR Judgment of 27 March 1998 in case No. 20458/92 “Petrovic v. Austria” (paragraph 38). In: ECHR. Reports 1998-II. P. 62.
22. ECHR Judgment of 12 December 2001 in case No. 52207/99 “Bankovic and Others v. Belgium”. In: ECHR. Reports 2001-XI.
23. Judgment of the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany “Bundesverfassungsgericht” of 1 June 1998, 2bvr441. P. 90.
24. Judgment of the Supreme Court of the Republic of Austria of 27 February 1990 in case ObS 10. SSV-NF4. 66/90. P. 31.
25. Judgment of the Supreme Court of the Republic of Austria of 16 March 1999 in case ObS 10. SSV-NF52. P. 99.
26. UN Human Rights Committee Judgment of 2 September 2002 in case No. 829/1998 «Roger Judge v. Canada». 1998. In: UN Doc, CCP/C78 /D/829/1998.